

2005; Фалалеева И.Н. Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. Волгоград, 2003.

⁵ См.: *Попов В.Д.* Информациология и информационная политика. М., 2001; Попов В.Д. Тайны информационной политики: социальный психоанализ информационных процессов. М., 2003; Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны. М., 2003; Панарин И.Н. Информационно-психологическое обеспечение национальной безопасности России. М., 1998; Нисневич Ю.А. Информационная политика России: проблемы и перспективы. М., 1999.

⁶ См.: *Дегтярев А.А.* Принятие политических решений: Учеб. пособие. М., 2004; Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М., 1997; Цыгичко В.Н. Руководителю – о принятии решений. М., 1996; Функционирование государственного аппарата управления. М., 1998; Глушенко В.В., Глушенко И.И. Разработка управленческого решения. Прогнозирование и планирование. М., 1997 и др.

⁷ *Авторство* системы RACE принадлежит известному западному специалисту-практику и теоретику в области общественных связей Дж. Мартсону.

⁸ *Система* SOSTAC разработана в 1990-х гг. известным западным специалистом в области менеджмента П. Смитом.

⁹ *В теории* менеджмента данный метод более известен под названием «дерево целей». В основе принципа заложена дедукция, т.е. рассуждение от общего к частному.

¹⁰ См.: *Добреньков В.И.*, Кравченко А.И. Методы социологического исследования. М., 2004. С. 152–154.

¹¹ См.: *С.С. Сулакишин.* Системная методология проектирования государственно-управленческих решений // *Власть.* 2006. №5. С. 10–20.

¹² *Интерес* – коренная, длительная, а порой и переходящая потребность, требующая учета и согласования на разных уровнях, а также поддержки на разных этапах, стадиях развития и др. См.: Халипов В.Ф. Энциклопедия власти. М., 2005. С. 527.

¹³ См.: *Фукуяма Ф.* The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.

¹⁴ См.: *Теория* и практика демократии. Избранные тексты / Пер. с англ.; Под ред. В.Л. Иноземцева, Б.Г. Капустина М., 2006. С. 399–413.

¹⁵ См.: *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. М., 2004.

¹⁶ См., например: *Арбатов А.Г.* Российская национальная идея и внешняя политика (мифы и реальности). М., 1998.; Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М., 2006 и др.

¹⁷ См.: *Шелдрейк Дж.* Теория менеджмента: от тейлоризма до японизации / Пер. с англ.; Под ред. В.А. Спивака. СПб., 2001. С. 225–237.

¹⁸ См.: *Афонин Ю.А.*, Жабин А.П., Панкратов А.С. Социальный менеджмент. М., 2004. С. 77–78.

¹⁹ См.: *Ст. 7.* Конституции Российской Федерации. М., 1997. С. 8.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТОЛОГИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX в.

Н.Л. Подвойская
(Россия, г. Москва)

Понятие «политическая культура» является на сегодня одним из самых сложных для определения и многозначных концептов политической науки. Многие говорят о политической культуре, выделяют ее структурные элементы, пытаются решить проблему типологизации, при этом не давая самому термину никакого толкования. Получается, что это словосочетание признается как само собой разумеющееся и не требующее дополнительных разъяснений. Однако, несмотря на неоднократные попытки

исследователей дать определение интересующему нас понятию, по словам историка Д. Силби, представление о политической культуре остается до сих пор весьма аморфным, так что ему «с легкостью придают то одно, то другое обличье»¹.

Как заметил один из родоначальников исследований политической культуры, американский политолог Л. Пай, «сам термин "политическая культура" способен породить быстрое интуитивное понимание, так что людям часто кажется, будто они и без дальнейшего уточнения могут проникнуть в его смысл и пользоваться им». Но именно эта доступность служит сигналом «серьезной опасности, когда данное понятие пытаются применить в качестве "недостающего звена", восполняющего то, что не может быть объяснено посредством политического анализа»².

В данной статье предпринята попытка сделать краткий исторический экскурс в исследования политической культуры с целью показать разнообразие трактовок этого феномена. На наш взгляд, особую значимость имеют теории и концепции американских политологов второй половины XX в. Их актуальность объясняется, прежде всего, тем, что американская школа была и остается на данный момент наиболее влиятельной в изучении проблем политической культуры. Следует подчеркнуть, что основоположником развития концептуальных исследований политической культуры считается американский политолог Г. Алмонд.

Систематическое употребление понятия «политическая культура» началось в 50-е гг. XX в., несмотря на то, что о существовании этого феномена было известно еще мыслителям античности. Так, например, у Конфуция, Сократа, Платона, Сенеки, Аристотеля уже встречаются представления о ценностях, настроениях, влияющих на характер политики, действия властей и т.д. Мыслители Возрождения (в частности, Н. Макиавелли, М. Монтень) и европейские просветители также приложили немало усилий, чтобы объяснить взаимозависимость реальной политики и представлений о ценностях, традициях, нормах и т.д. у ее субъектов³.

Для второй половины XX в. характерно то, что в работах американских исследователей Г. Алмонда, С. Вербы, Д. Девайна, Л. Пая, Д. Пауэлла, Д. Пола, У. Розенбаума, Р. Такера, Д. Элазара; английских – Д. Каванаха, Р. Роуза; немецкого – К. фон Бойме; польского – Е. Вятра; французских – М. Дюверже, Р.Ж. Шварценберга; голландских – И. Инглхарта, Ф. Хикспурса, Ф. Хьюкса и других⁴ рассматривается широкий комплекс проблем, касающихся политической культуры, начиная от определения понятия до анализа структурных компонентов и т.д.

В своей книге «Происхождение политической культуры»⁵ М. Бринт, например, выделяет три культурных традиции в исследовании политической культуры:

- французскую социологическую традицию от Ш. Монтескье до А. Токвиля;
- немецкую традицию культурной философии от И. Канта до М. Вебера;
- бихевиористский подход американской политологии.

Необходимо подчеркнуть, что многие исследователи признают неоспоримую значимость третьей культурной традиции, так как именно благодаря американским политологам (в особенности Г. Алмонду и С. Вербе) понятие «политическая культура» приобрело категориальный статус; ими же были выработаны концептуальные представления о политической культуре, считающиеся по сей день классическими.

Следует отметить, что термин «политическая культура» впервые был употреблен еще в XVIII в. немецким философом-просветителем И.Г. Гердером⁶. В XIX в. это словосочетание встречается у русского историка и политического мыслителя В.И. Герье⁷, позже о «политической культуре» говорил В.И. Ленин⁸. Однако в трудах данных мыслителей «политическая культура» не использовалась как концептуальное понятие.

Только в 1956 г. впервые была предпринята попытка сформулировать концепцию политической культуры. Этот год ознаменовался появлением сразу двух работ: первая – книга профессора Х. Файнера «Системы правления великих европейских государств», которая имела подзаголовок «Сравнительное исследование систем правления и политической культуры Великобритании, Франции, Германии и Советского Союза»⁹ (однако в этой работе не содержалось какого-либо определения поли-

тической культуры); вторая – статья известного американского политолога Г. Алмонда «Сравнительные политические системы»¹⁰.

Вскоре исследования в области политической культуры обрели статус подраздела политической науки. В 1963 г. в свет вышел совместный труд Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура»¹¹, в котором была представлена дальнейшая разработка концепции политической культуры. Данная работа представляла собой кросс-национальное исследование, предлагавшее теорию политической стабильности и демократии, а фактически превозносившее представительное правление англо-американского образца. Именно в этой работе политико-культурный подход получил свое наиболее полное воплощение¹².

Двумя годами позже, в 1965 г., в книге «Политическая культура и политическое развитие»¹³ была предпринята попытка определения и сравнения политических культур тринадцати стран.

Во второй половине 60–70-х гг. XX в. исследования в области политической культуры продолжили такие известные американские политологи и социологи, как В. Ки, Р. Маркридис, В. Нойман, Д. Марвик и др. Так, например, только определений понятия «политическая культура» к 1976 г., по подсчетам канадского исследователя Г. Патрика, насчитывалось более сорока¹⁴. Естественно, учитывая актуальность проблематики политической культуры, на данный момент количество дефиниций значительно увеличилось. Этот факт свидетельствует о том, что к единому мнению в трактовке понятия исследователи пока не пришли, что, безусловно, затрудняет процесс изучения феномена политической культуры.

По мнению А. Брауна, определения политической культуры (имеется в виду в западной политологии) могут быть разделены на 2 группы: «1) те, которые ограничивают сферу политической культуры субъективными ориентациями наций, социальных групп или индивидов по отношению к политике; и 2) те, которые расширяют концепцию до включения в нее образцов политического поведения. Большинство политологов предпочли более ограниченную категорию»¹⁵.

Определения и трактовки политической культуры, разработанные в американской политической мысли второй половины XX в., можно тоже разделить на две группы:

- к первой группе можно причислить концепции таких исследователей, как Г. Алмонд, С. Верба, С. Хантингтон, Л. Пай, Д. Элазар, Х. Доменигер, А. Браун и др.;
 - ко второй – концепции таких исследователей, как Д. Пол, У. Розенбаум, Р. Такер.
- Рассмотрим эти концепции.

К первой группе, как видно, относятся родоначальники классической концепции политической культуры – американские политологи Г. Алмонд и С. Верба. В статье Г. Алмонда «Сравнительные политические системы» отмечается, что «всякая политическая система встроена в определенный образец ориентации на политические действия»¹⁶, который он и назвал политической культурой. Позднее он уточнил свою мысль уже в соавторстве с С. Вербой в книге «Гражданская культура». «Понятие "политическая культура"... указывает на специфические политические ориентации – установки (attitudes) в отношении политической системы и ее различных частей и установки в отношении собственной роли в системе... Это совокупность (a set) ориентаций в отношении особой совокупности (a special set) социальных объектов и процессов»¹⁷. Политическая культура, как поясняют Г. Алмонд и С. Верба далее, есть то, каким образом «политическая система интернализировалась в когнитивных представлениях, чувствах и оценках населения»¹⁸.

В своей работе «Гражданская культура и стабильность демократии» Г. Алмонд признает, что в исследовании политической культуры он следует постулатам общей теории действия Т. Парсонса и Э. Шилза и классифицирует политические ориентации на:

1) «когнитивные ориентации», т.е. знания и веру относительно политической системы, ее ролей и обязанностей относительно этих ролей, того, что система берет из окружающей среды и что отдает (что «на входе» и что «на выходе» системы);

2) «аффективные ориентации», или чувства, относительно политической системы, ее ролей, ее работы и вовлеченных в нее людей;

3) «оценочные ориентации», суждения и мнения о политических объектах, которые обычно представляют из себя комбинацию ценностных стандартов и критериев, информации и чувств¹⁹.

Надо заметить, что Г. Алмонд и С. Верба предложили принципиально новый концептуальный, а именно политико-культурный подход к пониманию политической культуры. Он существенно отличался от распространенных в те годы теоретико-методологических подходов, в которых основное внимание уделялось структуре и функциям политических систем, институтов и агентств, их влиянию на политику. Новаторство Г. Алмонда и С. Вербы заключалось в том, что они предложили изучать как институциональные, функциональные и формально-юридические черты политических систем, так и политические ценности, мотивации, ориентации субъектов политики и индивидов. В эмпирических исследованиях упор стал делаться на ориентационный уровень анализа, т.е. на социально-психологические составляющие политической культуры, а не на институциональный уровень, в рамках которого рассматривались преимущественно институты и структуры. Таким образом, «предложенный концепт явился своеобразным мостом, связавшим макро- и микроуровни социально-политических исследований»²⁰.

Представителями нового концептуального подхода были преодолены рамки чисто структурно-функционального рассматривания политической практики, и их внимание было обращено к собственно культурным характеристикам общества. Они предприняли попытку поставить в центр политологических исследований человека с его заботами, интересами, эмоциями, стереотипами, мифами и т.д., используя анализ глубинных эмоциональных и социально-психологических связей между членами политических общностей и формами правления, а также выявление связей, содействующих и препятствующих национальному развитию, достижению общественной стабильности.

Можно констатировать тот факт, что описанный выше подход явился следствием «бихевиористской революции», которая развернулась в американской политологии во второй половине 50-х и особенно 60-е гг. XX в. В этот период в политическую науку были внесены модели и методы исследований, заимствованные из естественных наук, которые использовались не только для выявления количественных параметров социальных и политических феноменов, но и для рассмотрения этих феноменов с точки зрения отдельного индивида как участника политического процесса. Это дало возможность использовать принципиально новый подход к анализу политической системы общества в целом, так как она (система) глубоко укоренена в его политической культуре, которая, в свою очередь, является частью культуры в широком смысле, существующей отдельно от других культур и обладающей известной независимостью²¹. Как отмечает Г. Алмонд, «мы говорим о политической культуре так же, как могли бы говорить об экономической культуре или религиозной культуре. Это совокупность ориентаций относительно определенной совокупности социальных объектов и процессов»²².

Совокупность идей Г. Алмонда получила весьма широкое распространение и развитие в западной политологии, тем не менее каждый из его последователей пытался уточнить, скорректировать понятие политической культуры.

Так, например, известный американский политолог Д. Девайн в книге «Политическая культура Соединенных Штатов» попытался соотнести политическую культуру с общей культурой, подразумевая под ней всю совокупность духовных явлений²³.

Другой американский исследователь Л. Пай обратил особое внимание на параметры политической культуры и в некоторой степени уточнил их. Он предлагает весьма широкую трактовку понятия «политическая культура», которая включает в него все то, что охватывается такими категориями, как «политическая идеология, национальный характер и дух, национальная политическая психология и фундаментальные ценности народа»²⁴.

Л. Пай считает, что политическая культура есть совокупность установок, убеждений и чувств (set of attitudes, beliefs and sentiments), которая задает порядок и

придает значение политическому процессу и которая представляет собой основополагающие допущения и правила (*underlying assumptions and rules*), управляющие поведением в политической системе. Он считает, что в ней заключаются не только политические идеалы, но и действующие нормы правления (*norms of polity*). Таким образом, политическая культура – это проявление в агрегатной форме психологических и субъективных измерений политики²⁵.

На примере нескольких приведенных определений политической культуры, принадлежащих к первой группе классификации дефиниций, очевидно, что все исследователи этой группы так или иначе трактуют политическую культуру как психическое явление, отмечая, что она влияет на политическое поведение и рассматривается как культура политического сознания, культура политической психологии.

Вторая группа исследователей расширяет концепцию политической культуры до включения в нее образцов политического поведения. Так, например, американский политолог Д. Пол определяет интересующее нас понятие как «конфигурацию ценностей, символов, а также образцов установок и поведения (*attitudinal and behavioral patterns*), лежащих в основе политики общества»²⁶.

Другой американский политолог У. Розенбаум понимает под политической культурой «концептуальное обозначение чувств, мыслей и поведения, которые мы замечаем или выводим, наблюдая за людьми, живущими своей повседневной гражданской жизнью»²⁷.

Он также выделяет элементы («компоненты ядра»), которые выступают как фундамент в формировании политической культуры нации. К «компонентам ядра» он относит:

1) «ориентация в отношении правительственных структур» – отношение субъекта к политическому режиму, основным правительственным структурам, его символам, официальным лицам и нормам; ориентация в отношении правительственных «входов» и «выходов»;

2) «политическая идентификация», то есть сопричастность индивида к «политическим единицам» – нациям, государству, городу; политическое доверие и «правила игры» (представления индивида о том, каким правилам он должен следовать в гражданской жизни);

3) «политическая ориентация в отношении собственной политической деятельности» или «политическая компетентность» (участие индивида в гражданской жизни) и «политическая эффективность» (ощущение возможности оказать влияние на политический процесс)²⁸.

Еще один представитель второй группы классификации определений политической культуры Р. Такер включает в содержание политической культуры признанные образцы поведения и предлагает рассматривать всю политику (во всех ее проявлениях) как форму культуры, как ее часть. Однако, по мнению Э.Я. Баталова, эта весьма радикальная, на первый взгляд, позиция оказывается в сущности деструктивной, ибо лишает понятие политической культуры смысла вообще²⁹.

Представители второй группы, как следует из вышеизложенного, существенно расширяют понятие политической культуры и считают необходимым включать в поле ее исследования не только психологические компоненты, но и политическое поведение.

Важно отметить, что существующие различия в трактовке понятия «политическая культура» ведут к формированию нескольких концептуальных подходов к изучению данного феномена. С одной стороны, это представляет определенную методологическую ценность и дает возможность проводить более разносторонний анализ политической культуры, а с другой – разноплановость теоретико-методологических оснований к анализу феномена политической культуры не позволяет исследователям прийти к ее однозначному толкованию. Необходимо подчеркнуть, что представителями американской политологии второй половины XX в. так и не было предложено универсального определения политической культуры.

Наряду с проблемой определения понятия «политическая культура», в рамках данных концепций американских исследователей особое внимание уделяется про-

блемам типологизации политических культур и выбора основания для их классификации.

В зависимости от теоретико-методологических подходов к анализу политической культуры, от концепций политической культуры, от содержания, которое исследователи вкладывают в само понятие политической культуры, американские политологи второй половины XX в. предлагают разнообразные типологии, отдавая предпочтение тем или иным основаниям деления политической культуры. Исходя из этой ситуации многообразия, следует обратить особое внимание на те типологии политической культуры, существовавшие в американской политической мысли второй половины XX в., которые являются доминирующими в разных группах классификации дефиниций политической культуры. К ним можно отнести:

- типологию политической культуры, разработанную Г. Алмондом и С. Вербой;
- типологию, описанную У. Розенбаумом.

Обратимся к рассмотрению первой типологии политических культур, разработанной американскими исследователями Г. Алмондом и С. Вербой. Данная типология является наиболее распространенной и считается многими исследователями классической. В качестве основания типологии политических культур Г. Алмонд и С. Верба рассматривают тип ориентации субъекта политического процесса на «специализированные политические объекты» или «частотность различных видов когнитивной, аффективной и оценочной ориентации в отношении политической системы в целом, аспектов ее входа и выхода и самого себя как политического субъекта»³⁰.

Они выделяют 3 «чистых» типа политической культуры:

- 1) патриархальная политическая культура (parochial political culture);
- 2) подданническая политическая культура (subject political culture);
- 3) партисипаторная политическая культура, или политическая культура участия (participant political culture).

Приведем краткую характеристику указанных типов. Итак, по мнению исследователей, в тех обществах, где господствует **патриархальная политическая культура**, например в африканских племенах, местных автономных общинах, не существует специализированных политических ролей, и лидеры, вожди, шаманы выполняют «диффузные политико-экономико-религиозные роли». Для членов таких обществ политические ориентации относительно этих ролей неотделимы от религиозных или социальных ориентаций. Причем население не ждет никаких изменений от политической системы, тем более предпринимаемых по ее собственной инициативе.

По мнению авторов данной типологии, даже крупномасштабные и более дифференцированные политические системы могут иметь патриархальную культуру. В них индивид хотя и может иметь какое-то общее, но смутное представление о существовании центрального правительства, однако он не испытывает никаких чувств по отношению к этому правительству или же испытывает негативные чувства. Таким образом, отношения индивида к правительству не определяются какими-либо нормами.

Второй тип политической культуры, а именно **подданническая культура**, характеризуется устойчивыми ориентациями относительно дифференцированной политической системы и относительно того, что система дает «на выходе». Однако очень слабы ориентации относительно специфических объектов «на входе» системы и относительно себя как активного участника. Члены общества с такой политической культурой знают о существовании специализированных политических институтов и испытывают по отношению к ним определенные чувства (например, гордости, неприязни и т.д.). Они оценивают их как законные или незаконные. Но отношение к системе вообще и к тому, что она дает «на выходе», т.е. к ее административной стороне, носит в основном пассивный характер.

Третий и основной, по мнению Г. Алмонда, тип политических культур (**партисипаторная культура**) характеризуется определенной ориентацией на систему вообще, на политические и административные структуры и процессы, т.е. члены такого общества ориентированы не только на «входной», но и на «выходной» аспекты политической системы. Причем они могут иметь как благоприятные, так и неблагоприятные ориентации на различные классы политических объектов. Но несмотря на то, что

индивидуальные чувства и оценки таких ролей могут варьироваться от принятия до отрицания, индивиды тем не менее ориентированы на «активную» собственную роль в политике³¹.

Следует отметить, что Г. Алмонд и С. Верба делают акцент на том, что в политической практике эти модели не встречаются в «чистом» виде, т.е. не выступают в качестве «гомогенных» образований, так как одни ориентации имеют особенность смешиваться с другими ориентациями, характерными для других политических культур. В связи с этим они выделяют еще 3 типа «смешанных» политических культур:

- 1) провинциалистско-подданническую;
- 2) подданническо-партиципаторную;
- 3) провинциалистско-партиципаторную³².

Смысл первого типа – **провинциалистско-подданнической культуры** – заключается в том, что значительная часть населения отвергает исключительные притязания диффузной племенной, деревенской или феодальной власти. Большинство индивидов, по мнению Г. Алмонда и С. Вербы, проявляет лояльность в отношении более сложной политической системы со специализированными центральными правительственными структурами. Многие нации в процессе своего развития проходят через этот этап – этап перехода от провинциализма к централизованной власти, причем некоторые из них могут надолго задерживаться на каких-то промежуточных ступенях формирования провинциалистско-подданнической культуры.

Второй тип смешанной культуры – **подданническо-партиципаторная** – характеризуется тем, что у значительной части членов общества появляется «специализированная ориентация на вход», а также «активистские самоориентации». В то же время остальная часть населения продолжает ориентироваться на авторитарную правительственную структуру и придерживаться сравнительно пассивной системы самоориентаций.

Третий тип – **провинциалистско-партиципаторная политическая культура** – с точки зрения Г. Алмонда и С. Вербы, характерен для тех развивающихся стран, которые становятся на путь буржуазной демократии. Политическая система в большинстве из этих стран характеризуется провинциалистской фрагментарностью, и проблема заключается в том, как, не разрушая провинциалистские системы «на выходе», превратить их в группы интересов «на входе»³³.

Следует отметить, что Г. Алмонд и С. Верба особо выделяют так называемую **гражданскую культуру** (civic culture), которая тоже относится к смешанным типам политических культур. По их мнению, такая культура реально существует в развитых странах Запада. Они считают, что гражданская культура – это прежде всего культура лояльного участия. Индивиды общества с данным типом политической культуры ориентированы как «на вход» политики, на участие в ней, так и на «входные» структуры и «входные» процессы. Таким образом, гражданскую культуру они понимают как политическую культуру участия, в которой политическая культура и политическая структура находятся в согласии и соответствуют друг другу.

«Смешанность» гражданской культуры объясняется сочетанием политических ориентаций участия с патриархальными и подданническими политическими ориентациями, причем последние не только поддерживаются ориентациями участия, но они также и соответствуют ориентациям участия, «управляют» или удерживают их. По мнению американских политологов Г. Алмонда и С. Вербы, подобные установки благоприятны для ориентации участия в политической системе, и они, наряду с такими политическими установками, как вера в других людей и социальное участие вообще, играют важную роль в гражданской культуре. Поддержка таких более традиционных установок и их слияние с ориентациями участия, с точки зрения исследователей, ведут к сбалансированной политической культуре, в которой политическая активность, вовлеченность и рациональность существуют, но при этом уравновешиваются покорностью, соблюдением традиций и приверженностью общинным ценностям.

В рамках гражданской культуры граждане могут быть как активными в политике, так и пассивными, выполняющими роль «подданных». Однако, как отмечают Г. Алмонд и С. Верба, даже у тех, кто активно исполняет гражданскую роль, качества

подданных и прихожан не полностью вытеснены. Таким образом, роль участника просто добавляется к таким двум ролям, что означает сохранение активным гражданином как своих традиционалистских, неполитических связей, так и свою более пассивную роль подданного³⁴.

Типология политических культур Г. Алмонда и С. Вербы, как и любая теоретическая конструкция, подверглась многими исследователями всестороннему анализу и серьезной критике. Вполне естественно, что у нее есть как свои плюсы, так и минусы. Методологически ценным является то, что данная типология позволяет зафиксировать сложность и внутреннюю противоречивость политической культуры демократии, а также необходимость существования системы балансов ее поддержания. Серьезными же недостатками, по мнению критиков, являются, например, ограниченность политической культуры сферой сознания, психологии; абсолютизация американского опыта; игнорирование особенностей демократического строительства в других странах.

Как уже отмечалась выше, данная типология политических культур является классической, но не единственной. Так, например, английский политолог У. Розенбаум предлагает свою типологию. Напомним, что У. Розенбаум относится к числу тех представителей, которые трактуют политическую культуру наиболее широко, то есть включают в нее и образцы политического поведения.

В качестве основания типологии этот исследователь берет степень консенсуса между членами общества относительно основополагающих политических ценностей и правил политической «игры». Он выделяет 2 типа политической культуры:

- 1) фрагментированная;
- 2) интегрированная.

Следует отметить, что, по его мнению, между этими типами политических культур находятся различные модели и промежуточные типы.

Первый тип – **фрагментированная политическая культура** – характеризуется отсутствием консенсуса относительно основополагающих принципов политического устройства общества. В его основе лежат разные виды фрагментации общества, а именно социальная, социокультурная, конфессиональная, национально-этническая и т.п.

Фрагментированной политической культуре свойственны:

- конфликтность субкультур;
- преобладание патриархальных и подданнических ориентаций над общенациональными;
- слабая действенность правовых, легитимных процедур;
- подозрительность и недоверие социальных групп, т.е. носителей субкультур, друг к другу.

Подобные характеристики, по мнению У. Розенбаума, создают благоприятные условия для идеологической непримиримости и бескомпромиссности между конфликтующими группами, нестабильность общества, неустойчивость социальных и политических институтов, связей между социальными группами и субъектами, но препятствуют выработке неких общепринятых правил политической игры, и т.д.

Второй тип – **интегрированная политическая культура** – определяется наличием достаточно высокой степени консенсуса по основополагающим вопросам политического устройства. Для него также характерны, как подчеркивает У. Розенбаум, преобладание гражданских процедур в улаживании споров и конфликтов, низкий уровень политического насилия, высокая степень различных форм плюрализма, который непременно нужно отличать от фрагментированности³⁵.

Очевидно, что рассмотренная типологизация обладает определенными достоинствами, так как в ней предпринята попытка вычленить модели политической культуры, исходя из факта существования специфических национальных социокультурных, конфессиональных, традиционно-исторических и иных особенностей у различных народов и стран.

Краткий обзор основных типологий политической культуры, существовавших в американской политической мысли второй половины XX в., дает возможность увидеть, что работы Г. Алмонда, С. Вербы и У. Розенбаума содержат достаточно основательно разработанный материал по вопросу типологизации. Отметим также, что

именно их типологии признаются многими политологами в качестве основных. При всем том стоит подчеркнуть, что рассмотренные нами типологии имеют не только своих сторонников, но и противников. Так, например, Э.Я. Баталов считает, что концепция Г. Алмонда и С. Вербы ограничена тем, что они замахнулись на создание универсальной модели политической культуры.

Позволим не согласиться с мнением Э.Я. Баталова и предположить, что разработка универсальной модели политической культуры вполне возможна. Кроме того, нам представляется целесообразным разработать именно универсальную концепцию, которая в дальнейшем могла бы накладываться на реально существующие модели и трансформироваться с учетом, например, национальных особенностей политических систем, уровня развитости последних, исторических условий формирования и т.д. Мы считаем, что, взяв за основу универсальную модель, которая может служить матрицей, ее уже легче модифицировать и применить к изучению и характеристике конкретных политических культур.

В заключение еще раз подчеркнем, что обращение к исследованию политической культуры во второй половине XX – начале XXI вв. обусловлено не только развитием научной мысли, но, возможно, в первую очередь теми кардинальными трансформациями в мировом сообществе, которые произошли и происходят в этот период. Широкое использование понятия политической культуры в современной действительности не является еще свидетельством четкого и непротиворечивого понимания сути этого явления, как в обыденном толковании, так и научном, что заставляет нас обращаться к осмыслению имеющихся теоретико-методологических оснований исследования данного феномена. Особый интерес в этом плане представляют исследования политической культуры в американской политической мысли второй половины XX в., поскольку, во-первых, среди западных исследователей американские составляют большинство; во-вторых, на наш взгляд, их труды представляют собой более или менее логически завершенные в теоретическом плане конструкции; в-третьих, они первыми предприняли попытку дать четкое определение политической культуры несмотря на то, что американским политологам не удалось выработать единого общепризнанного определения; в-четвертых, предложили на основе своих концепций типологии политической культуры.

В современных условиях важно иметь правильное понимание феномена политической культуры, так как оно может и должно быть ключом к осмыслению политики в целом, так как политическая культура – это не только отдельная сфера политической системы, но и детерминирующий фактор ее развития. Как справедливо отмечают авторы книги «Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор»³⁶, политическая культура не объясняет всего того, что происходит в политике, однако она является ключевым элементом постижения политической жизни в страновом или временном разрезе, и если мы не будем ее учитывать, то мы не поймем, как на самом деле функционирует политика.

¹ *Silbey J.H.* The State and Practice of American Political History at the Millennium: The Nineteenth Century as a Test Case // J. of Policy History. 1999. XI. P. 8.

² *Pye L.W.* Political Culture // International Encyclopedia of the Social Sciences / D.W. Sills (ed.). N. Y., 1968. Vol. XII. P. 204.

³ См.: *Войтенко В.П.* Политическая культура россиян: особенности современной трансформации (социологический анализ). М., 2004. С. 16.

⁴ *Almond G.* Comparative political systems // The Journal of politics, 1956. Vol. 18. № 3; *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963; *Devine D.* The Political Culture of the United States. Boston, 1972; *Pye L.* Political Culture // International Encyclopedia of Social Science. N.Y., 1968. Vol. 12; *Pye L.W.* Culture and Political Science: Problems in the Evolution of the Concept of Political Culture // Social Science Quart. 1972. Vol. LIII. *Paul D.W.* The Culture Limits of Revolutionary Politics: Change and Continuity in Socialist Chechoslovakia. N.Y., 1979; *Rosenbaum W.A.* Political Culture: Basic Concept in Political science. N.Y., 1975; *Tucker R.* Political Culture and Leadership in Soviet Russia: From Lenin to Gorbachev. Brighton,

1987; Elazar D.J. American Federalism: The View from the States. N. Y., 1984, 1966; Elazar D.J. Afterword: Steps in the Study of American Political Culture // Publius. 1980; Vol; X. Kavanagh D. Political Culture in Great Britain. The Decline of the Political Culture // The Civic Culture Revisited. Boston, 1980; Вятр Е. Социология политических отношений. М., 1979 и др.

⁵ *Brint M.* A Genealogy of Political Culture. Boulder, 1991.

⁶ См.: *Barnard F.* Culture and Political Development: Herder's Suggestive Insights // American Political Science Review. 1969. Vol. LXIII. № 2.

⁷ См.: *Герье В.И.* Республика или монархия установится во Франции? // Сборник государственных знаний / Под ред. В.М. Безобразова. СПб., 1877. Т. III. С. 165.

⁸ См.: *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 41. С. 404.

⁹ См.: *Finer H.* Governments of great European powers. A comparative study of the governments and political culture of Great Britain, France, Germany and Soviet Union. L., 1956.

¹⁰ *Almond G.* Comparative political systems // The Journal of politics. 1956. Vol. 18. № 3.

¹¹ *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963.

¹² См.: <http://pubs.carnegie.ru/russian>

¹³ *Political culture and political development.* Princeton, 1965.

¹⁴ См.: *Политическая культура: теория и национальные модели* / В.С. Ажаева, Е.В. Ананьева, К.С. Гаджиев и др.; Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., 1994. С. 35–36.

¹⁵ *Brown A.* Political Culture // The Social Science Encyclopedia / Ed. by A. Kuper and J. Kuper. L.; Boston, 1985. P. 610.

¹⁶ *Almond G.* Comparative political systems // The Journal of Politics. 1956. Vol. 18. № 3. P. 396.

¹⁷ *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 13.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Ibid. P. 124.

²⁰ *Рукавишников В.,* Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М., 1998. С. 90.

²¹ См.: *Войтенко В.П.* Политическая культура россиян: особенности современной трансформации (социологический анализ). М., 2004; *Политическая культура: теория и национальные модели* / В.С. Ажаева, Е.В. Ананьева, К.С. Гаджиев и др.; Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., 1994.

²² *Алмонд Г.,* Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 123.

²³ *Devine D.* The Political Culture of the United States. Boston, 1972.

²⁴ *Политическая культура: теория и национальные модели* / В.С. Ажаева, Е.В. Ананьева, К.С. Гаджиев и др.; Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., 1994. С. 39.

²⁵ *Pye L.* Political Culture / International Encyclopedia of Social Science. N.Y., 1968. Vol. 12. P. 218.

²⁶ *Paul D.W.* The Culture Limits of Revolutionary Politics: Change and Continuity in Socialist Czechoslovakia. N.Y., 1979. P. 3.

²⁷ *Rosenbaum W.A.* Political Culture. N.Y., 1975. P. 8.

²⁸ *Головань О.В.* Политическая культура общества: учеб. пособие. Барнаул, 2004. С. 11–12.

²⁹ *Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 16.

³⁰ *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 17.

³¹ См.: *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963; Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. 1992. № 4. С. 122–134; Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593–600; Баталов Э.Я. Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 38–40.

³² *Almond G. and Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, 1963. P. 23.

³³ См.: *Баталов Э.Я.* Политическая культура современного американского общества. М., 1990. С. 41–42.

³⁴ См.: *Алмонд Г., Верба С.* Гражданская культура и стабильность демократии // *Политика*. 1992. № 4. С. 122–134.

³⁵ См.: *Войтенко В.П.* Политическая культура россиян: особенности современной трансформации: (социологический анализ). М., 2004. С. 31–32; Политическая культура: теория и национальные модели / В.С. Ажаева, Е.В. Ананьева, К.С. Гаджиев и др.; Отв. ред. К.С. Гаджиев. М., 1994. С. 81.

³⁶ *Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор: Учеб. пособие / Сокр. пер. с англ. А.С. Богдановского, Л.А. Галкиной; Под ред. М.В. Ильина, А.Ю. Мельвиля. М., 2002.

ТОЛЕРАНТНОСТЬ И ФОРМЫ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

И.В. Степакова
(Россия, г. Санкт-Петербург)

Регулирование межконфессиональных отношений является одним из важных и актуальных вопросов в современном российском государстве. Повышение уровня религиозности российского населения, а также увеличение зарегистрированных религиозных организаций все более ставят проблему регулирования, а соответственно, и координации межконфессиональных отношений как самими конфессиями, так и государством. Регулирование межконфессиональных отношений – сложная функция управления, так как внутреннее содержание конфессий, существующих в России, зачастую очень различны. Соответственно, принципы взаимодействия с иными конфессиями могут занимать совсем различные позиции: от полной обособленности до единства всех церквей мира. Несмотря на это выделяется принцип межконфессионального взаимодействия, который обязательно должен присутствовать, если мы говорим о регулировании отношений между российскими религиозными организациями – это принцип толерантности. Толерантность, принцип свободы совести входят с систему демократических ценностей современного российского государства. В контексте государственно-конфессиональных и межконфессиональных отношений понятие толерантности приобретает особую важность. Российским законодательством «религиозные объединения отделены от государства и равны перед законом» (ст. 14)¹. В Конституцию РФ введено понятие равенства, говорящее о том, что российские конфессии, находясь на одной ступени общественной иерархии, вынуждены искать возможные варианты конструктивного диалога и сотрудничества между собой. Важно учесть, что на территории России существует около 15–20 религиозных течений², и около 21 тыс. зарегистрированных религиозных организаций³. В таком поликонфессиональном обществе религиозным объединениям для неконфликтного существования необходимо находить общий язык. При конфликтной модели взаимоотношений появляется очень много затрат для каждой участвующей стороны, сотрудничество как раз снижает эти затраты. Таким образом, толерантность является главным принципом, которым должны руководствоваться российские конфессии в любом взаимодействии.

Под толерантностью понимается терпимость к чужому образу жизни, поведению, чужим обычаям, чувствам, верованиям, мнениям, идеям. Толерантность является одним из основополагающих демократических принципов, который неразрывно связан с концепциями плюрализма, свободы и прав человека. Важно отметить то, что в научной литературе часто синонимом понятия толерантности является термин терпимость. Соглашаясь с мнением П.М. Мчедлова, что терпимость не полностью соответствует понятию толерантности и несколько сужает смысл последнего, я считаю,